

ской разведки (предлог «на» указывает на лицо, на которое направлено действие, а «Ружа» есть имя этого лица).

Сходная, но несколько иная ситуация наблюдается в анекдоте: *Штирлиц приехал в Гестапо навеселе и поставил весело под окнами кабинета Мюллера*. Следуя логике всех предыдущих текстов, наречие *навеселе* («в состоянии легкого опьянения») должно быть разбито на два компонента, а именно предлог и падежную форму узувального прилагательного «веселый», сочетание которых и послужило когда-то базой для его образования. Но в данном случае членение проводится не на исторической основе, а по аналогии: огромное количество существующих в русском языке адвербов типа *наверх, напрокат, наотрез, назубок* дает возможность интерпретировать второй компонент слова «навеселе» как существительное, в результате чего возникает окказиональная лексема «весело» с ударением на последнем слоге, обозначающая средство передвижения. Таким образом, лингвистические ожидания оказываются обманутыми дважды.

Дополнительным средством создания смехового эффекта наряду с описанными выше процессами выступает игра слов с использованием лексико-семантических вариантов: *Штирлиц стрелял из двух автоматов по очереди. Очередь заметно редела*. Слово «очередь» означает: 1) порядок в следовании чего-либо, кого-либо; 2) люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-либо. В процессе восприятия на ум приходит первое из указанных толкований (Штирлиц стрелял поочередно то из одного, то из другого автомата), но приведенный контекст направлен на то, чтобы актуализировать именно второе значение (Штирлиц стрелял из двух автоматов, направив огонь на людей, стоящих в очереди).

Кроме того, встречаются примеры обыгрывания омонимии форм: *Гестаповцы ставили машину на попа. «Бедный пастор», - подумал Штирлиц*. Если понимать *на попа* как наречие («вертикально, стоймя»), то описываемая ситуация предстает вполне реальной. Однако завершающая фраза указывает на то, что *на попа* следует воспринимать как омонимичное наречию сочетание предлога *на* с формой винительного падежа разговорного существительного *поп* («православный священник»), и тогда ситуация оказывается слегка абсурдной и в связи с этим комичной.

Таким образом, данный анекдот интересен нелепостью заключенного в нем содержания, с одной стороны, и игрой с языком, с другой стороны. Весь его комический потенциал в процессе устного воспроизведения подчинен «главной цели: доставить удовольствие слушателю игровым эффектом содержания, а следовательно, получить его и самому рассказчику. В этом и состоит существо игры как особого вида психической деятельности и языковой игры в том числе...» [Химик 2002: 29]. В некотором смысле подобные тексты являются благоприятной формой для реализации способностей современной словотворческой личности, которая, как известно, часто перемещает центр внимания на язык: описания мира как единственную реальность.

Список использованной литературы

- Анекдоты «про Штирлица». // www.megarela.ru/anedkot/shirliz.
Белянин В.П. Русский языковой анекдот. // Вестник ЦМО МГУ, 1998. №1.
Демидова А.К. Образование наречий из предложно-именных сочетаний (из сочетаний имен существительных с предлогами «без» и «на») в современном русском языке. // Автореф. дис. канд. филол. наук. - М., 1960.
Коневский А.К. Проблема становления наречий как отдельной части речи. // Развитие частей речи в истории русского языка. - Рига, 1988.
Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры. // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. - СПб., 2002.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «НЕРЕАЛИЗОВАННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ»

Камышанченко Е.А.
Белгородский государственный университет

В системе глагола имеется подкласс глаголов, в семантическую структуру которых входит конституент негативности в отличие от большинства прочих позитивных по своей семантике глаголов. В настоящей статье мы рассмотрим функциональные особенности одной подгруппы негативных глаголов, выражающих нереализованность восприятия, представленной глаголами *ignore, disregard, overlook*.

В семантике глаголов *ignore, disregard, overlook* содержатся категориальные семы, характеризующие участников ситуации и определяющие семантическую валентность и дистрибутивные свойства глагола. Так, восприятие явления, события, признака происходит только через воспринимающий аппарат человека, в связи с чем, глаголы *ignore, disregard, overlook* сочетаются с субъектом антропонимом, который может быть выражен именами собственными, названиями конкретных лиц, личными местоимениями.

Данные глаголы также могут предикцироваться непрототипическому субъекту, обозначающему определенный круг неодушевленных субстанций, которые могут выступать в качестве источника действий, но не

могут совершать его намеренно или контролировать его результат. К их числу относятся существительные, обозначающие продукт умственной деятельности человека:

This characterization of statives ignores a large class of English sentences of a type exemplified below.

Явления, обозначенные существительными этого семантического класса, могут выступать в качестве исполнителей определенного действия. Хотя они и являются и продуктом деятельности человека и предлагают его участие, но только, так сказать, на начальном этапе. После ментальной обработки это явление становится вполне самостоятельным и далее «функционируют» как непосредственные исполнители или агенты действия:

The Ferrary ignored the invitation to pass.

Субъектом в данном примере является существительное, обозначающее предмет (машину), который персонифицирован, т.е. на него перенесены свойства одушевленного лица в стилистических целях.

Дальнейший анализ обнаруживает дифференциацию глаголов по признакам: активность/ инактивность, контролируемость / неконтролируемость, волевитивность/неволевитивность.

Глагол overlook занимает “переходное” положение между крайними точками названных признаков, что подтверждается словарными дефинициями: с одной стороны - pass over without notion unintentionally; с другой стороны - pass over without notion intentionally; leave out of consideration, disregard, ignore.

He splashed around ineffectively and began to think about the next five hours, going over the plan again carefully to be sure he had not overlooked even the smallest detail - субъект не уверен в положительном результате, так как мог не заметить что-либо произвольно, т.е. субъект не обладает признаками активности, волевитивности, контролируемости. Однако возможно и акциональное осмысление глагола overlook:

Are you so damn perfect you can't overlook that?

В данном примере употребление глагола overlook с модальным can в значении “способность к осуществлению действия” позволяет говорить о субъекте, как активном, целенаправленно действующем деятеле.

У субъекта глаголов disregard, ignore признаки активность и волевитивность выражены наиболее ярко, несмотря на то, что эти глаголы, как и глагол overlook, не передают действие в “чистом” виде или действие, направленное на воздействие или изменение объекта. О наличии названных признаков в семантической структуре субъекта свидетельствуют определения refuse to take notice, disregard intentionally, где глагол refuse и наречие intentionally отражают намеренность субъекта в осуществлении действия, его целенаправленность. В качестве подтверждения активности субъекта может служить употребление рассматриваемых глаголов с наречиями образа действия или именными сочетаниями, указывающими на определённые усилия, затраченные субъектом. В этом случае глаголы ignore, disregard, overlook номинируют действие, а субъект предстаёт как активный, сознательно прилагающий усилия, направленные на нереализацию восприятия:

Hunched guards spoke in whispers and studiously ignored the careful progress of the carrier out in the open waters.

Jake chewed on his burger and nonchalantly ignored her eyes.

With effort he ignored his stirring genitals.

В приведённых примерах обстоятельства образа действия характеризуют усилия субъекта. Так, studiously, with effort указывают на достаточно большие усилия, затраченные субъектом, а следовательно на его высокую активность, а наречие nonchalantly - на меньшую, но, тем не менее, активность.

В сочетании с каузативными глаголами проявляется обращение к интенциональной сфере субъекта, к его сознанию и воле:

The Lord Chief Justice suggested to the Grand Jury to ignore the bill.

В качестве маркера признаков волевитивность и активность субъекта служит также сочетаемость рассматриваемых глаголов с интенциональными глаголами decide, refuse, choose, want, которые выражают принятое лицом решение о намеренности отказать от действия (не обращать внимания):

He decided to ignore their opposition and let them live and continue in their posts.

В качестве дополнительного признака актуализации активности субъекта выступает развёрнутость во времени, выражаемая формами прогрессива и соответствующими обстоятельствами (for a good deal of time, for as long as, for some minutes и др.):

I totally ignore her for as long as I can bear, then I look up.

For a moment he was ignoring the boy ...

Признак контролируемости выявляется в сочетаниях с модальными глаголами can (could) в значении “способность субъекта выполнить действие” и must в значении “долженствование”, которые также подразумевают возможность или обязательность осуществления действия со стороны субъекта, и, следовательно их интерпретацию в языке как контролируемых:

I have had symptoms that must not be disregarded.

Анализ субъектно-ориентированных признаков позволил выделить протитипические признаки субъектно-акциональных глаголов, следовательно, правомерно говорить об акциональном осмыслении глаголов ignore и disregard. Глагол overlook поликатегориален и в зависимости от реальных условий функционирования реализуется как акциональное, так и неакциональное значение.

Рассмотрение объектно-ориентированных признаков показывает, что глаголы ignore, disregard, overlook не допускают безобъектного употребления и обязательно требуют после себя комплементирующего его значение индикатора. Однако, несмотря на то, что глаголы ignore, disregard, overlook сочетаются с прямым дополнением, степень реализации категории переходности является довольно относительной, поскольку отсутствует какое-либо воздействие со стороны субъекта на объект. Поэтому характерным признаком данных глаголов является признак нереферентного воздействия на объект.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕДУПЛИКАТОВ В СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Капиева Ф.М.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Урбаева А.П.*

Московский педагогический государственный университет

На сегодняшний день актуальным для лексикографии остается поиск путей и методов последовательно-адекватного отражения всех видов информации, присущей словарной единице. Особенно важно указание на прагматические характеристики.

В центре внимания исследователей по-прежнему находятся вопросы эффекта языковой коммуникации, который, как известно, в большей степени зависит именно от прагматических функций слова. За счет прагматических компонентов значения создается языковая выразительность высказываний. Изучение слов с прагматическим или экспрессивно-выразительным компонентом значения связано с вопросом функционально-стилистического расслоения лексического состава языка.

«Связь слова с определенным стилем или определенной сферой употребления с точки зрения лексической семантики предстает как разновидность информации об условиях употребления слова, или, что то же самое, как часть его прагматического значения» [Кобозева 2000: 72].

В данной статье будет рассматриваться один из способов отражения прагматических характеристик лексических единиц в словарях современного немецкого языка - применение стилистических помет. В качестве исследуемого материала послужил особый класс слов, представленный в лексике современного немецкого языка - слова-редупликации, то есть те слова, которые содержат в своей структуре повтор. Данное исследование не претендует на полномасштабный охват прагматических характеристик большинства редупликатов, остановимся на некоторых из них.

Известно, что повтор обратил на себя внимание исследователей достаточно давно. Несмотря на это, далеко не все вопросы, связанные с данным языковым явлением, полностью освещены в современном языкознании.

По нашему мнению, редупликацию можно определить как частное проявление повтора. Если повтор подразумевает под собой следование друг за другом любых единиц языка, в общем, то составляющими редупликации являются в основном повторяющиеся морфемы. Повторение может быть в данном случае полное или частичное, иногда и с изменением звукового состава. Так, по формальной структуре можно выделить следующие основные типы редупликатов: полные как Bibi, Wehweh, Blabla, Null-Null, ogottogott, pri-larprima, Pinkepinke, неполные Kuckuck, klingling и дивергентные как Pinkelwinkel, Schorlemorle, Wirtwart, Multikulti, Heckmeck, Wischiwaschi и пр. В некоторых классификациях производится более частное деление на гомогенную (с однородной и разнородной огласовкой) и гетерогенную.

Редупликации представляют собой слова самого различного происхождения, например, подражательные и изобразительные слова, используемые для воспроизведения различного рода звуков. В их широкий функциональный спектр входит, как передача звуков музыкальных инструментов и различных шумов: klingling, ruffruff, ticktack, tatütata, так и звукоподражание животным, предназначенное в детской речи еще и для обозначения/называния животных Wauwau, Putput, Muh-kuh. В концепции коммуникативной грамматики редупликацию можно рассматривать не только как способ выражения определенных значений, но и как способ выражения дополнительных смысловых оттенков, которые могут быть представлены другими языковыми средствами ballaballa, Pipimädchen, Anstandswauwau.

В немецком языке количественная представленность редупликатов невелика в силу того, что редупликация не характерна для строя языка. По словам Е.В. Розен, в современном немецком языке насчитывается порядка 2 тыс. редупликатов. Это и позволяет выделить редупликации в особый класс слов, который выделяется своей стилистической окрашенностью.

Безусловно, большую часть этих уникальных слов составляют диалектизмы, поскольку немецкому литературному языку не присуща редупликация как одно из основных словообразовательных средств. По этой причине наличие их в словарях нормативных словарей достаточно незначительно. Пополнение данного класса слов происходило в основном за счет процесса заимствования из других языков, и, прежде всего из